

Никифор, архиеп. Константинопольский, свт. Слово в защиту непорочной, чистой и истинной нашей христианской веры и против думающих, что мы поклоняемся идолам / Пер. И. Д. Андреева; под редакцией М. Д. Муретова // Богословский вестник 1902. Т. 3. № 10. С. 273–288 (1-я пагин.). (Продолжение.)

восхваляется и славится,—зачѣмъ касаться величія Божія, превышающаго умъ и слово и дерзать на невозможное? Да не впадемъ случайно по недостатку разума и осмотрительности въ пропасть безумія подобно нечестивымъ!

Итакъ, пусть они пустословятъ и скажутъ, чѣмъ Богъ ослабляется и удерживается до такой степени, что, изнемогая и отказываясь отъ дѣятельности, оставляетъ власть Свою втуне? Или лучше, какъ мы говоримъ, что есть такого, чего Богъ не превышалъ бы и не превосходилъ? Какое слово представить безмѣрное величіе Его, безконечную, могущественную, неизмѣримую власть, безграничную силу владычества надъ всѣмъ? И чтобы изъ желанія этими жалкими словами превознести Высокое намъ не умалить Его неизреченное господство надъ всѣмъ и владычество, которое все превышаетъ и превосходитъ безъ всякаго сравненія и подобія, недоступно и непостижимо ни для кого, не поддается никакому уму и слову, какъ составляющее исключеніе среди всего видимаго, невидимаго и всѣхъ именъ этого вѣка и будущаго,—воздержимся отъ этого, какъ превышающаго наши силы. Но если Онъ, не добровольно лишившись Своихъ правъ, превратился въ подданнаго, то Онъ конечно подвергся насилію и владыка оказывается подъ властію тиранна. Но кто же тираннъ, отнявшій у Него власть? Тотъ, кто дѣлается тиранномъ, долженъ быть сильнѣе и превосходитѣ постольку, поскольку онъ обладаетъ преимуществомъ побѣдителя и побѣды. Въ дѣлахъ видимыхъ и человѣческихъ, когда противники и воины вступаютъ въ битву и скрещиваютъ руки, плодомъ оружія и трудовъ пользуются оказавшіеся болѣе доблестными, какъ побѣдившіе въ сраженіи и взявшіе въ плѣнъ непріятеля, вслѣдствіе

чего они приносятъ большую долю добычи и доещѣховъ, получаютъ весьма много оружія, или опустошаютъ вражескую страну и заставляютъ на будущее время побѣжденныхъ, какъ обращенныхъ въ рабство, платить дань. Но война, возбуждаемая невидимыми врагами, которые вызвали теперь у насъ бурю противъ вѣры, не можетъ надѣяться достигнуть ничего подобнаго, ибо смятеніе, вызываемое той и другой войной, не одинаково. Врагъ нападаетъ на насъ не для того, чтобы овладѣть нашими вещами внѣшними, но для того, чтобы разорить и подчинить себѣ всѣхъ насъ, т. е. разумныя души и управляющій человѣкомъ умъ, и убѣдить насъ называть царемъ и исповѣдывать богомъ врага Божія и подчиняться его душепагубнымъ и гнуснымъ велѣніямъ, такъ чтобы не одному ему быть осуждену на геенну, а увлечь съ собою въ огонь вѣчный и сонаслѣдниковъ своихъ. Вѣдь это было исконнымъ дѣломъ завистливаго и беззаконнаго демона—лишить насъ уготованныхъ намъ благъ и сдѣлать насъ соучастниками своего паденія. Какъ оставшійся безъ подданныхъ, онъ лишень начальства и достоинства и устранень отъ власти. У него должно остаться одно только имя, да и то, вѣроятно, совершенно исчезнетъ. Посему слава его превратится въ убожество и безобразіе, ибо гдѣ нѣтъ подданныхъ, тамъ развѣ можетъ быть царь? Почему? Потому что ему не надъ кѣмъ будетъ царствовать. Такъ злосчастные, усердно угождая бѣсу, думаютъ осилить царство Христа и насъ отдалить отъ божественныхъ догматовъ. Но пусть выслушаютъ боговдохновенныя слова: *яродъ бо яродивая изречеть, и сердце его тщетная уразуметь* (Ис. 32, 6).

50. И что можетъ быть неразумнѣе или суетнѣе этого? По истинѣ тщетное замыслили они противъ

Христа, и суетны ихъ предпріятія и намѣренія, какъ порожденія ихъ нездраваго и извращеннаго мышленія, дѣйствительнаго юродства и глупости, а вѣрнѣе— крайняго нечестія и безбожія. Ничто подобное не должно приходить даже и на умъ только человѣку, такъ что безумно разсуждаютъ и нечестиво поступаютъ тѣ, кои доводятъ власть Бога надъ всѣмъ до такой немощи и униженія. Что же можетъ быть нелѣпнѣе и безбожнѣе этого? Но беззаконники, какъ и подобаеть, воздвигаютъ еще новое обвиненіе противъ царства Христова. Между тѣмъ какъ слѣдуетъ воздавать ему наивысочайшія почести, они не стыдятся доводить его до крайнаго безславія и униженія, дабы, отнявъ у Него подобающее Ему, какъ Богу, достоинство, показать Его умаленнымъ, лишить Его божескихъ свойствъ, представить простымъ человѣкомъ, подобнымъ намъ, и отстранить Его отъ приличествующей Ему надъ всѣмъ власти. Къ такимъ неразумнымъ и безбожнымъ выводамъ послѣдовательно приходитъ ихъ ученіе. Но эти невѣжды и безумцы не размыслили о томъ, какъ можетъ быть такимъ Тотъ, кто связалъ сильнаго, расхитилъ сосуды его и укротилъ ярость противъ насъ, какимъ образомъ плѣнившій невидимаго тиранна и разрушившій неприступную державу, могъ въ свою очередь оказаться ограбленнымъ и побѣжденнымъ? Неужели Онъ потерпѣлъ это по слабости или по небреженію къ пріобрѣтенному—и это послѣ столькихъ страданій и трудовъ, и при томъ такъ, что вмѣстѣ съ державою у Него отнимается и принадлежащее Ему промышленіе о насъ и попеченіе? Итакъ, тщетна была борьба Его, и напрасно выдержалъ Онъ сраженіе съ противникомъ. Можетъ быть Онъ возымѣетъ нужду въ другихъ подвигахъ и трудахъ, не освободится отъ заботъ,

причиняемыхъ врагомъ, подумаетъ нѣкогда о другомъ Своемъ воплощеніи и приметъ другой крестъ и страданія, послѣ чего Онъ будетъ уже пользоваться и соотвѣтственнымъ всему этому почитаніемъ? Если Христосъ упразднилъ идолопоклонство и это упраздненіе было уврачеваніемъ душъ нашихъ, а послѣ того зараза снова усилилась и возвратилась, то не должно ли потребоваться опять второе лѣченіе? Такъ это бываетъ и при тѣлесныхъ болѣзняхъ. Если врачъ хочетъ лѣчить присущій недугъ болящаго, онъ составляетъ лѣкарства, соотвѣтствующія болѣзни. Затѣмъ случается, что то, что казалось лѣкарствомъ, становится разрушительнымъ и смертоноснымъ, какъ скоро положеніе не улучшается, а ухудшается. Въ такомъ случаѣ врачъ неизбѣжно будетъ волноваться и усиленно прибѣгать къ другимъ способамъ приготовления лѣкарства. Если и это окажется неудачнымъ, онъ прибавитъ еще иное и будетъ продолжать опыты безъ конца. Но эти дѣйствія его будутъ уже не лѣченіемъ, а недоумѣніемъ и ошибками и увеличеніемъ страданій больного. Равнымъ образомъ, и посмѣяваясь надъ домостроительствомъ Спасителя нашего Христа, эти несчастные хотятъ установить мысль, что оно не имѣло ничего дѣйственного и прочнаго. Обращаютъ въ шутку они и наши таинства, ни сколько, по видимому, неотличая ихъ отъ театраль-ныхъ представленій.

Мы же, сохраняя истину и удерживая вѣру и знаніе того, что дѣйствительно есть на самомъ дѣлѣ, говоримъ: побѣда Побѣдителя тиранна и смерти Христа настолько велика, что погибельный драконъ, по своей ненасытимости устремившійся противъ самого Христа, сдѣлалъ нападеніе на Явившагося, ибо чело-вѣческое естество представлялось ему приманкой. и

съ сильною надеждою, схвативъ какъ нѣкую добычу, пожрать это, подпавшее (его искушенію, человѣческое естество Христа), но приманутый удою божества, самъ попадаетея и, удушаемый тяжелою пищею, противъ воли изблевываетъ и тѣхъ, коихъ древле растерзаль и поглотилъ. При этомъ прежде бывшіе его легкой добычей и пріятной пищей приняли отъ Побѣдившаго міръ и Разрушившаго гордую вражескую державу лукаваго власть попирать змѣй и скорпіоновъ и всю вражескую силу. Они также притянутъ дракона удою, отцѣпять пищу отъ пасти его, вдѣнутъ кольцо въ ноздри его и проколятъ губу крюкомъ, хотя бы, уловленные сѣтями заблужденія, по ихъ же словамъ, они и воздавали неразумно почтеніе связанному, пронзенному и битому. По истинѣ несчастные эти не стараются разсуждать или понимать. Вслѣдствіе этого они надмѣваются противъ истины и дерзаютъ на то на что не могутъ дерзать даже варвары и язычники. Что же скажутъ они, услышавъ слова, ясно возглашаемыя въ евангеліяхъ Царемъ нашимъ и Пастыремъ: *овцы моя гласа моего слушають, и не восхититъ ихъ никтоже отъ руки моея* (Іоанн. 10, 27, 28), и что *Отецъ далъ Ему власть надъ всякою плотію* (Іоан. 17, 2), и что *все, что имѣетъ Отецъ, имѣетъ и Сынъ* (Іоан. 16, 15). *И моя вся твоя суть, и твоя моя: и прославихся въ нихъ* (Іоан. 17, 10). Мы вѣруемъ, что Единородный имѣетъ все вмѣстѣ со Отцемъ. Какимъ же образомъ Онъ прославленъ, если побѣжденъ и умаленъ? Какимъ образомъ лишенъ власти Тотъ, Кто сіяетъ Отчимъ величіемъ и участвуетъ съ Нимъ во власти, простирающейся на все? Объ этомъ враги Господа не размышляютъ, ибо пребываютъ подъ властію другого князя вѣка сего. Они сочувствуютъ идолопоклонству, ибо уже отъ начала замыслили они

противленіе евангельскому ученію. Мы же никогда не устанемъ бороться съ ихъ неистовствомъ и неразуміемъ.

Что говоритъ Спаситель? *Входяй двери, пастырь есть овцамъ. И егда овцы своя ижденетъ, предъ ними ходитъ: и овцы по немъ идутъ, яко видятъ гласъ его. По чуждему же не идутъ, но бѣжатъ отъ него, яко не знаютъ чуждаго гласа* (Іоан. 10, 2—5). А что (дѣлаютъ) эти безумцы? Такого пастыря они представляютъ слабымъ и немощнымъ, лишеннымъ пастырскаго искусства или потому, что Онъ безсиленъ управлять овцами, или потому, что овцы противъ воли его расхищаются волками, или же добровольно оставляетъ стадо. Напрасно, по видимому, предлагается и дверь, ибо она не даетъ никакой безопасности: ни для того, кто войдетъ, ни для того, кто выйдетъ, нѣтъ спасенія. И развѣ есть такое наказаніе и гибель, которыхъ бы не заслуживали эти слова и болтовня? Затѣмъ: *Азъ есмь пастырь добрый и знаю моя, и знаютъ мя моя, и душу мою полагаю за овцы моя* (Іоан. 10, 14—15). Эти слова разверзаютъ съ обѣихъ сторонъ пропасть богохульства для тѣхъ, которые по неразумію и невѣжеству осуждаютъ одинаково и Пастыря Христа и овецъ. Невѣрующими Ему окажутся они и тогда, когда Онъ говоритъ, что душу Свою полагаетъ за овецъ Своихъ, такъ что они должны утверждать, что Его спасительныя страданія или совѣмъ не имѣли мѣста, или были какъ бы воображаемыми и призрачными, и говорить, что повѣствуемое составившими для насъ евангелія написано напрасно. Все это чьего безумія и нечестія достойно помимо ихъ? Христосъ говоритъ: *и нынѣ овцы имамъ яже не суть отъ двора сего: и тыя ми подобаетъ привести, и гласъ мой услышатъ: и будетъ едино стадо и единъ пастырь* (Іоан. 10, 16). Эти же стараются уда-

лить изъ подъ Его власти и отъ общенія съ Нимъ уже познавшихъ Его и собравшихся вокругъ Него, чтобы перевести ихъ къ начальнику своего заблужденія діаволу. И Христось сказалъ бы имъ, какъ страдающимъ безуміемъ Іудейскимъ: *вы не вѣруете: нѣсте бо отъ овецъ моихъ. Овцы моя гласа моего слушаютъ, и азъ знаю ихъ, и по мнѣ грядутъ. И азъ животъ вѣчный дамъ имъ, и не погибнутъ во вѣки, и не восхититъ ихъ никтоже отъ руки моея. Отецъ мой, иже даде мнѣ, болій всѣхъ есть: и никтоже можетъ восхитити ихъ отъ руки Отца моего. Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 26—30). Эти—по истинѣ мыслящіе и поступающіе по іудейски, какъ камнями, богохульными словами бросаютъ и поражаютъ Христа, ибо они, насколько это имъ по силамъ, уничтожили Его, лишили Его власти надъ всѣмъ, опредѣлили, чтобы Онъ понесъ пораженіе, рѣшивъ между прочимъ, что и другія изреченія евангелій ложны. Отцу же своему антихристу они приписываютъ и славу побѣды, водрузивъ въ видѣ славнаго трофея для него собственную гибель.

51. По видимому, они уже не далеки отъ того, чтобы насильственно подчинить чуждой власти даже и Отца и Бога всяческихъ и отстранить Его отъ власти надъ всѣмъ, такъ какъ должны утверждать, что вмѣстѣ съ Сыномъ, лишенъ власти и Онъ, если Сынъ говорить: *Азъ и Отецъ едино есма*; соцарствуетъ же Онъ Отцу во вѣки. Должны утверждать они, что и Духъ Святой изрекъ чрезъ апостоловъ ложное, когда одного изъ нихъ вдохновилъ говорить, что *избави насъ отъ власти темныя, и престави въ царство Сына любви своея: о немъ же имамы избавленіе кровію его, и оставленіе грѣховъ: иже есть образъ Бога невидимаго, перворожденъ вся твари* (1 Колос. 1, 13—15);

а другому внушилъ писать: *вы же родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія, яко да добродѣтели возвьстите изъ тмы васъ призвавшаго въ чудный свой свѣтъ: иже иногда не людіе, нынѣ же людіе Божиіи: иже не помиловани, нынѣ же помиловани бысте* (1 Петр. 2, 9—10). Согласно съ этими словами звучить и евангельская рѣчь: *и свѣтъ во тмѣ свѣтитсѣ, и тма его не объятъ* (Іоан. 1, 5). Достойные же мрака думаютъ, что онъ былъ удаленъ и объятъ. Они утверждаютъ, что это было сказано напрасно, что празднословить тотъ, кто говоритъ о призванныхъ изъ тмы въ божественный и чудный свѣтъ,—о тѣхъ, кои нѣкогда были не народъ, а теперь стали народомъ Божиимъ, и кои были не помилованными стали помилованными. Напрасно, по видимому, пролита и кровь Христа и внесенъ выкупъ за насъ, какъ вѣруемъ и проповѣдуемъ. Такъ толкаетъ ихъ въ пропасть гибели богохульное и нечестивое ученіе. Кромѣ сего пусть и иной изъ богоглаголивыхъ, подъявъ тотъ же трудъ, придетъ на помощь прежде сообщенному и изречетъ нѣчто таковое: *во дни оны и во время оно нарекутъ Іерусалима престолъ Господень, и соберутся (къ нему вси языцы во имя Господне во Іерусалимъ и не пойдутъ) ктому во слѣдъ похотей сердца своего злѣйшаго* (Іерем. 3, 17). Такъ говоритъ божественный пророкъ. Такъ какъ мы часто уже объясняли подобныя слова, то я не думаю, чтобы нужно было возвращаться къ этимъ объясненіямъ. Но я не хотѣлъ бы опустить то, что пророкъ говоритъ далѣе, потому что рѣчь его даетъ много истиннаго для изъясненія нашего предмета, много сроднаго и сходнаго съ нашими мыслями, что мы и увидимъ при внимательномъ наблюденіи. Когда же, спрашивается, и съ кѣмъ Богъ заключитъ нѣкогда завѣтъ, и что въ имѣющихъ быть данными

законахъ будетъ ново, исправлено, лучше законовъ древнихъ и много полезнѣе,—гдѣ и когда эти законы будутъ назnamenованы, и какою силою будетъ совершаться руководство ими?

52. А говоритъ онъ слѣдующее: *се днѣ грядутъ, глаголетъ Господь, и завѣщаю дому Израилеву и дому Иудину завѣтъ новъ, не по завѣту, егоче завѣщавъ отцемъ ихъ, въ день, въ онъже емшу ми за руку ихъ, извести я изъ земли Египетскія, яко тѣмъ не пребыша въ завѣтъ моемъ, и азъ небрегохъ ихъ, глаголетъ Господь. Яко сей завѣтъ, его же завѣщаю дому Израилеву, по днехъ онѣхъ, глаголетъ Господь: дая законы моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу я, и буду имъ въ Бога, и тѣмъ будутъ ми въ люди. И не научитъ кѣждо ближняго своего, и кѣждо брата своего глаголя: познай Господа: яко вси познаютъ мя отъ мала даже и до великаго ихъ: яко милостивъ буду неправдамъ ихъ, и грѣховъ ихъ не помяну ятому (Иер. 31, 31—34).* Такъ говоритъ истолкователь Духа. Кто не слыхалъ этихъ боговдохновенныхъ словъ? Проповѣдь богоносныхъ мужей всюду разносила ихъ на сушѣ и морѣ. Кто настолько неразуменъ и простъ, чтобы ни во что вмѣнять реченія Духа и прилежать изобрѣтеніямъ діавольскаго искусства? Какого обличенія и наказанія они не заслуживаютъ, пусть на это отвѣтитъ кто-либо изъ тѣхъ, кто любитъ правду въ словѣ. Что можетъ быть справедливѣе и яснѣе этихъ словъ (пророка)? Развѣ они не изобличаютъ легкомысліе безумцевъ? Развѣ они не выказываютъ благочестія нашего ученія? Не предвозвѣстили-ли они новый завѣтъ, который вручило намъ явившееся спасительное Слово? Не предназначаютъ-ли они законовъ жизни по Богѣ, благодаря коимъ мысли имѣющихъ воспринять это ученіе будутъ освѣщены и просвѣщены, а сердца имѣющихъ обра-

тятся къ нему очистятся отъ древней скверны и грѣха? На этихъ-то сердцахъ и будетъ, какъ они предвозвѣстили, начертанъ божественный законъ. Не они ли предначертали, что ветхій человѣкъ будетъ совлеченъ, а новый обновится духовно? Не представляютъ-ли они нашего сродства Богу и близости къ Нему, предуказуя, что мы суть народъ Его и наслѣдіе святое и что мы будемъ имѣть самозаконное и самовозвѣщенное божественное вѣдѣніе? Не представляютъ-ли они Бога милостивымъ къ неправдамъ нашимъ и не помнящимъ беззаконій нашихъ и не предвозвѣстили-ли они милости и милосердія, которое Онъ явилъ въ отношеніи къ намъ? И, что всего главнѣе, говоря кратко, не предутвердили-ли они фундаментъ и основаніе святой вѣры нашей? Было бы совершенно справедливо рукоплескать этимъ словамъ и увѣнчать ихъ полнымъ признаніемъ, ибо они низвергаютъ гордыню нечестія и заграждаютъ уста безстыднымъ. По истинѣ слѣдовало посреднику и служителю этихъ словъ справедливо и достойно получить названіе сострадательнѣйшаго за его большія скорби и обильныя слезы, который былъ вѣдомъ Богу прежде зачатія и освященъ въ самой утробѣ. И что милосерднѣе и чище этой души?

Но время обратиться къ изъясненію пророчества. *Се дніе грядутъ, глаголетъ Господь, и завѣщанію дому Израилеву и дому Іудину завѣтъ новъ.* Дни нужно разумѣть не иные, какъ тѣ, которые другими пророками называются послѣдними, хотя здѣсь и говорится неопредѣленно,—и въ которые Слово Божіе пребывало съ людьми во плоти, ибо въ концѣ вѣковъ открылась тайна Христова и принесла съ собою законы и новый завѣтъ. Если не такъ, то пусть противники истины укажутъ намъ иное время, послѣдующее въ

отношеніи къ этому пророчеству, и покажутъ иной завѣтъ,—и тогда мы умолкнемъ. Но пока они указать этого не въ состояніи (и никогда не смогутъ), наши толкованія должны считаться твердыми, и истинное ученіе возглашаться безбоязненно. Дома же Израилевъ и Іудинъ кто иные, какъ не тѣ, которые могутъ, насколько то доступно человѣку, созерцать чистѣйшимъ умомъ Бога и приступать къ Нему съ чистымъ и неповрежденнымъ исповѣданіемъ вѣры?

Ближайшимъ образомъ и въ буквальномъ смыслѣ слова эти могли относиться къ Израилю и Іудѣ, чтобы тѣмъ, кои еще пребывали плотскими и хвалились знакомъ обрѣзанія, не показалось, будто обѣтованія, данныя отцамъ, не исполнились. Какъ и Спаситель говорилъ женѣ Финикіянкѣ: *нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева* (Мѡ. 15, 24). Когда они не приняли Его, Онъ потомъ перешелъ къ язычникамъ, къ которымъ перешло и обѣтованіе и благословеніе.

Но, если угодно, теперь полезно снова призвать и представить служителя новаго завѣта, который пронесъ имя Христова предъ народами и царями, который искусно, благопотребно и благовременно писалъ къ Евреямъ, воспользовавшись этими самыми божественными изреченіями. Пусть онъ, сравнивая и обсуждая значеніе того и другого завѣта, скажетъ: *аще бо бы первый окъ непороченъ былъ, не бы второму искалося мѣсто* (Евр. 8, 7). Почему же не непороченъ первый? Потому что, говоритъ, *ничтоже совершилъ законъ: приведеніе же есть лучшему упованію, имже приближаемся къ Богу* (Евр. 7, 19). Итакъ, вслѣдствіе этого требовался другой завѣтъ и лучшій, который нуженъ былъ и необходимъ для спасенія человѣка, для оправданія приступающаго съ вѣрою и для дарованія очищенія

древнихъ прегрѣшеній. И этимъ завѣтомъ содѣлалась изобильная благодать евангельскаго законоположенія. И какое различіе посредниковъ въ томъ и другомъ завѣтѣ. Тамъ священники приносили дары и кровавыя жертвы за себя и за вины народа (Евр. 9, 7), которыя не могли уничтожить грѣховъ, ибо были служеніемъ еще только въ образѣ и сѣни небснаго, какъ было сказано Моисею (Евр. 9, 25). Здѣсь же служеніе гораздо лучше и несравненно выше, при столь лучшихъ обѣтованіяхъ, насколько истина выше сѣни. Нашъ Архіерей, Глава и Апостолъ исповѣданія нашего (Евр. 3, 1), Христосъ Богъ нашъ, однажды вознесши Себя для спасенія грѣшниковъ, отдавъ Себя въ жертву и бывъ закланъ по плоти, пребываетъ во вѣки архіереемъ, возсѣлъ одесную Бога, ожидая времени, когда враги Его будутъ положены къ подножію ногъ Его (Евр. 10, 12—15), ибо единымъ приношеніемъ Онъ совершилъ на вѣки освящаемыхъ (Евр. 10, 14). Свидѣтельствуетъ же намъ о семъ, говоритъ апостолъ, Духъ Святой (Евр. 10, 15).

Но эти нечистые и нечестивые не выносятъ изреченій Духа. Изрыгая великую нечистоту и скверну изъ своего гнуснаго сердца, они болтаютъ, выдавая за истину, что Христосъ не совершилъ ничего и что удостоенныя благодати не получили освященія. Такъ пусть же они, изрыгая отъ нечистаго духа, уразумѣютъ, и притомъ надлежащимъ образомъ, эти слова: *не по завѣту, егоже завѣщавъ отцемъ ихъ въ день, въ онъже емшу ми за руку ихъ, извести я отъ земли египетскія* (Иер. 31, 32). Эти слова издревле, какъ бы молча и загадочно предвозвѣщали прекращеніе ветхаго завѣта, какъ указывало на это и древнее сокрушеніе скрижалей. Когда Израиль освобождался отъ тиранніи Египетской, тогда начертывался законъ на

каменныхъ скрижаляхъ, было видно дымящуюся гору и странныя знаменія небесныя. Все это нужно было для младенчествующаго и вслѣдствіе этого нуждавшагося въ устрашеніи стихіями народа, дабы недавно вышедшіе изъ чужой страны отвращались отъ варварской грубости и направлялись къ познанію Бога, отгоняя языческое суевѣріе. При этомъ посредствомъ скрижалей Писаніе можетъ быть указываетъ на жестокость и грубость каменнаго сердца ихъ, почему они и укорялись, какъ народъ жестоковѣйный, имѣющій шею съ желѣзными жилами и склонный ко всякому непослушанію и противленію (Иса. 48, 4).

Когда же Господь Богъ нашъ восхотѣлъ освободить насъ отъ власти злого тирана и уничтожить иго грѣха нашего, то ничего страшнаго, подобнаго тому, наблюдаемо не было. Совершитель нашего спасенія, обходя землю, кроткій и смиренный сердцемъ, безъ всякаго шума и страха, выказывая, напротивъ, простоту и доступность, проповѣдывалъ въ синагогахъ спасительное ученіе, исполнялъ всякими благодѣяніями желавшихъ слушать Его, не предлагалъ писаныхъ законовъ, не отдѣлялъ ужами на этой видимой и попираемой ногами землѣ никакого пространства, не передавалъ во владѣніе ничего временнаго и преходящаго, но проповѣдывалъ царство небесное, давалъ богатство неотъемлемое, благоговѣствовалъ неизреченную радость, исцѣлялъ всякую болѣзнь и немощь въ людяхъ, доставляя приступающимъ съ вѣрою все, что подавать было достойно божественнаго человѣколюбія. Подобаеть сказать еще о приизобильномъ дарованіи Духа. Посредствомъ всего этого проявлялись благость и сила Дѣйствовавшаго и Дававшаго. Почему и пророкъ предсказалъ: *не по за-*

вѣту, егоче завѣщахъ отцемъ ихъ, ибо касательно евангельскаго законоположенія онъ далѣе прибавляетъ: *дая законы мои въ мысли ихъ и на сердцахъ ихъ напишу я*. Законы благодати—не въ хартіи и чернилахъ, какъ на это прикровенно указываетъ и апостоль, говоря: *посланіе наше вы есте, написанное въ сердцахъ нашихъ, являеми, яко есте посланіе Христова служеное нами, написано не чериломъ, но Духомъ Бога жива, не на скрижалѣхъ каменныхъ, но на скрижалѣхъ сердца плотныхъ* (2 Кор. 3, 2—3), ибо написаны не на бездушномъ веществѣ, а начертаны Духомъ перстомъ и тростию Бога на сердцахъ существъ разумныхъ, хранящихъ ихъ въ истинѣ и чистотѣ; и они очищаютъ душу и умъ. Законодатель нашъ не предалъ намъ никакого рукописанія, ибо божественные законы видятся въ нашихъ душахъ дѣлами, а не письменами, дѣйственною силою своею, а не буквами, именно въ явленіи Духа. Такъ въ словахъ пророка предуказаны евангельскіе дары.

Развѣ это не есть прекрасная и плодородная земля, богатая и плодоносная пашня, принявшая въ себя божественное сѣмя, когда Святель вышелъ сѣять сѣмя ученія, плодоносящая въ тридцать, шестьдесятъ и даже въ сто разъ, что составляетъ самый высшій и обильный плодъ? Точными писцами этихъ законовъ и служителями оказались божественные апостолы, сподобившіеся большаго, чѣмъ Моисей, созерцанія и служенія, которые дерзновенно величаютъ себя, говоря: *Богу бо есмь споспѣшники: Божіе стяжаніе, Божіе зданіе есте* (1 Кор. 3, 9). Если это истинно, какъ оно и есть, то какъ не стыдятся безумцы вопреки апостольскимъ и пророческимъ изреченіямъ суесловить, что антихристъ, разрушивъ и завладѣвъ зданіемъ Божіимъ, опустошилъ ниву и дѣйствующему въ нихъ

духу даровалъ побѣду. По истинѣ пожнуть несчастные колосья съ полей своихъ.

Затѣмъ: *въ сердцахъ ихъ напишу я*. Здѣсь пророкъ представляетъ сердца принявшихъ евангельскія заповѣди вмѣсто каменныхъ скрижалей какъ бы блистающими и прозрачными столбами, на которыхъ божественные законы начертываются не на поверхности, но проходятъ въ глубину, проникая до самыхъ внутреннихъ областей сердца, гдѣ они сохраняются вѣчно неизгладимыми и не поддающимися никакому времени. Отсюда легко понять каждому, что насколько велико различіе законовъ, настолько разнится и достоинство наставляемыхъ (законами). Итакъ, стоя въ этомъ завѣтѣ и вѣруя, что въ немъ мы утверждены и охраняемся, мы считаемъ себя достойными быть народомъ Божиимъ и заявляемъ, что избираемъ для себя Богомъ Бога нашего и исповѣдуемъ Его дерзновенно, съ открытымъ лицомъ, съ чистымъ сердцемъ и съ нелицемѣрными мыслями.

Итакъ, если первый завѣтъ не былъ совершенъ по причинамъ указаннымъ, то безъ сомнѣнія долженъ былъ явиться послѣ него новый совершенный, во всемъ безукоризненный, знаменитый и превосходный, увѣнчанный небесною славою, какъ такой, который все обновляетъ и усовершенствуетъ и даруетъ намъ главнѣйшее изъ благъ — оправданіе и спасеніе. Итакъ, да удалятся беззаконствующіе тщетно и да престанутъ отъ всякаго богохульства и пустословія, и да заградятся всякія уста, говорящія неправду противъ нашего спасенія. Если же враги благочестія не прекратятъ своей клеветы, то пусть ищутъ другой завѣтъ, противоположный этому, пусть совѣщаются между собою и принимаютъ виновника его и законодателя, которымъ будутъ посвящены въ таинства заблуде-

нія и который имѣеть слѣдующій образъ: *противникъ и превозносяйся паче всякаго глаголемаго бога или чтилища, его же есть пришествіе по дѣйству сатанину во всяцѣй силѣ и знаменіихъ и чудесъхъ ложныхъ, и во всяцѣй лсти неправды, въ погибающихъ, Его же Господь убіетъ духомъ устъ своихъ, и упразднитъ явленіемъ пришествія своего* (2 Тессал. 2, 4—10). Насъ же благодать обогатила даромъ божественнаго вѣденія настолько обильно и преизбыточно, что мы дерзновенно, какъ и предвозвѣщено, говоримъ: *не научитъ кійждо ближняго своего и кійждо брата своего, глаголя: познай Господа* (Іер. 31, 34). Откуда же они узнаютъ это? *И будутъ, сказано, вси научени Богомъ* (Іоан. 6, 45). *И: все, что творите, во славу Божію творите* (1 Кор. 10, 31). И причина: *яко вси познаютъ мя отъ мала даже и до великаго ихъ* (Іер. 31, 24).

Отрезвитесь пьяницы отъ вина нечестія вашего и внемлите пророку, громко и ясно взывающему: не одинъ или двое, рабъ или свободный, богачъ или бѣднякъ, начальникъ или подданный, царь или обыкновенный человѣкъ, или просто тотъ или этотъ, но всѣ, говоритъ, *познаютъ мя отъ мала и до великаго ихъ*. Кого же познаютъ? Творца и Владыку ихъ, дающаго имъ дыханіе жизни, Промыслителя и Вседержителя, Благодѣтеля, всѣмъ премудро управляющаго и направляющаго, дарующаго всѣмъ бытіе и благополучіе,—познаютъ не чуждыхъ боговъ, поклонятся не дѣламъ рукъ своихъ, не скажутъ камню или дереву: ты насъ создалъ, но всѣ познаютъ Меня, *отъ малаго до великаго ихъ познаютъ Меня*,—не пребудутъ въ невѣденіи, не поклонятся діаволу и не воздадутъ почтеніе твари вмѣсто Творца. (Но дѣйствующій чрезъ служителей своихъ возглашаетъ имъ—своимъ служителямъ—чтобы они противопоставили столь яснымъ